

## Большой театр — 2001 — 15 февр. Детский хор в Куйбышеве

Грозный октябрь 1941 г. Помню вокальный перрон, группы ожидающих поезда артистов Большого театра. Тревожно шует народ. Наконец, состав подан. Все устремляется к вагонам. Несколько суток езды до Куйбышева, где всех поселили в двух школах, ставших общежитиями. В каждом классе — по 18–20 человек. Я была совсем ребенком, но хорошо помню это трудное время.

Порой не было ни света, ни воды, но артисты — народ не унывающий и скоро приспособились — во дворе школы разжигали костры и готовили пищу. Жили дружно и по мере возможности помогали друг другу. Жена одного из музыкантов, Татьяна Николаевна, объединила детей по возрасту в две группы и занималась с нами английским языком. Ученики ставили разные сценки («Три поросенка» и другие), декорацию изготовили из больших полотен бумаги, предназначенной для затенения окон. Учились серьезно.

Даже в те времена, когда было особенно тяжело с продуктами, закуренные умени ими поделились. Как-то, возвращаясь из школы через территорию госпиталя, я увидела раненого бойца, который просил еды. А мы, дети, получили совсем маленький завтрак — 50 г. не более, кусочек черного хлеба. Я этот кусочек несла домой. Увидев раненого, отдала ему хлеб, а придя домой, расплакалась и рассказала о случившемся. Все, кто жил в одном классе с нами, поделились с моей семьей едой.

Нам, работающим детям, продуктовые карточки выдавали не ежедневные, а по 10. Иногда нам доставались талоны на дополнительные пайки и обеды в столовой. Метели в зимнюю пору в Куйбышеве были сильные, за несколько метров видно человека. В такую погоду, чтобы не оставить голодной семью, мне, десятилетней девочке (родители были заняты на работе), приходилось преодолевать большие расстояния пешком — из-за снежных заносов транспорт не ходил.

В новогоднюю ночь в общежитии организовали поздравления. Начали несколько человек, особенно весельчаки, которые обегали комнаты, поздравляли с Новым годом. К ним из каждой комнаты (класса) присоединилось несколько человек и, когда добежали до 4 этажа, «змейка» поздравляющих растянулась на 2–3 комнаты. Начало было в одной, а хвост — еще в прежней комнате.

Уныние и тревога наступали только тогда, когда приходили тревожные вести с фронта, но вера в победу не покидала нас.

Вскоре после нашего приезда в Куйбышев, уже в декабре 1941 г., во Дворце культуры стали показывать сначала фрагменты, а затем целые спектакли — «Травиата» и «Лебединое озеро». Давались симфонические концерты в фонд обороны. В феврале 1942 г. был поставлен балет «Дон Кихот». Во многих спектаклях нужны были дети. Инспектор детского хора, Дина Ивановна Шелонина, как мы ее называли, «наша вторая мама», начала собирать детей. В основном — детей артистов. Прослушивали нас главный хормейстер М. Шорин, хормейстер А. Рыбнов, дирижеры А. Мелик-Пашаев, С. Сахаров, В. Небольсин. Отбор был строгим. Все пели две песни: «Катюша» и «Мы едем, едем, едем в далекие края». Набрали 20 человек. Эта малая группа детей участвовала и в операх, и в балетах, выполняя работу и маленьких хористов, и артистов балета, и миманса, так как балетная школа была эвакуирована в другой город. Из местных детей Дина Ивановна отобрала для балета четырех девочек. Не привычные к работе в театре, они доставляли Дине Ивановне много волнений: могли не прийти на спектакль или репетицию, заранее не предупредив. Так было в «Аиде». Вот-вот начнется спектакль, а их нет. Нас, Марину Морозову и Таню Державину, вызвали по телефону из общежития. Нужно было танцевать арапчат в «Комнате Америк». Всю дорогу из общежития до Дворца культуры мы бежали, чтобы не опоздать. И вот мы в комнате Америк. Видимо, от большой усталости, мы прозевали время ухода со сцены. Опомившись, потихонечку ретировались. В другой раз Ироха

Рыбнова от большого старания, в танцах, угодила в суфлерскую будку. Так же произошло и в «Черевичках» с Галей Кузовой в танцах чертенят.

В балете «Дон Кихот» дети были заняты в нескольких сценах. В первом действии исполняли роли маленьких цыганов, ворующих фрукты и дерущихся за них между собой. На ногах у девочек 10–11 лет были туфли на высоком каблучке, которые они, естественно, одевали впервые в жизни. Увлечшись игрой, они упали на авансцену, продолжая отнимать друг у друга ворованное. Но мизансцена получилась очень естественной, и взрослые нас похвалили. В этом же балете амурчиков танцевали совсем маленькие три девочки-близняшки Потаповы. Девочки все время хотели есть. Они покупали в буфете бутылки ситро, а им не разрешили пить перед выходом на сцену. Животы от ситро округлились, трико не лезало, а некачественное ситро требовало «выхода», что создавало большие трудности. В очередной раз не послушавшись и написавшись ситро, одна из амурчиков не могла дождаться окончания сцены, и, стоя рядом с Дон Кихотом, которого прекрасно играл оперный певец Федор Петрович Светланов, обратилась к нему с мольбой и тихонько сообщила, что она вот-вот сделает лужу. Он все понял и красиво вышел амурчика за кулисы...

Большинство детей трепетно и с большой преданностью относились к своей работе. Мы любили театр, понимали, невзирая на свой возраст, в какое сложное время живем, участвовали в шефских концертах в госпиталях.

Школьные уроки мы готовили где придется, иногда в антрактах. Дина Ивановна требовала от нас хорошей успеваемости, плохая была несовместима с пребыванием в хоре.

Сила воздействия спектаклей была необыкновенной. В последнем действии «Ивана Сусликина» однажды, когда пел М. Д. Михайлов, по мосткам, переброшенным из зрительного зала к сцене, поднялся военный и расстрелял кобурку, чтобы уничтожить иноземных убийц и спасти русского патриота. Хорошо, что работник сцены успел вовремя успокоить офицера.

А как все воспринимали «Седьмую симфонию» Шостаковича! Зал был полон. Я сидела, прижавшись к папе, артисту хора, и на одном дыхании, невзирая на свой малый возраст, прослушала симфонию.

В трудное военное время люди старались сделать друг другу что-нибудь приятное, душевно как-то согреть, успокоить. Не забуду, как артистки хора на Татьянин день достали где-то и подарили мне пирожное. О. В. Лепешинская, которая для нас, детей, была идеалом, увидя на моих ногах разную обувь, подарила мне две пары балетных туфель.

Возвращались в Москву мы парой. У меня была малярка. Температура зашкаливала за 40 градусов. Мне уступили место на теплой палубе. На день моего рождения я получила прекрасные подарки, выполненные собственными руками.

В Москве, в конце августа 1943 г., нас тщательно прослушивали М. Шорин, С. Самосуд, А. Рыбнов, А. Мелик-Пашаев и даже сам Н. Голлоунов. Только небольшая часть нашего куйбышевского коллектива прошла конкурс и была принята в детский хор на постоянную работу, а не как разовые статисты. К нам присоединились дети, принятые в хор до войны. Но хор все равно был небольшим. Начались репетиции спектаклей, которые театр возобновлял и ставил заново.

Затяну дыхание, мы слушали замечательных певцов. Вообще, мы, дети, любили искусство, умели ценить прекрасное и сегодня не перестаем гордиться тем, что работали с прекрасными режиссерами, встречались в театре с прекрасными и интеллигентными людьми.

Мы жили строго, но дружно. Этот дух детского хора умело поддерживала наша незабвенная Дина Ивановна, которая была для всех нас теплым, красивым человеком и осталась в памяти как человек редкой души.

Татьяна ДЕРЖАВИНА,  
бывшая артистка  
детского хора.